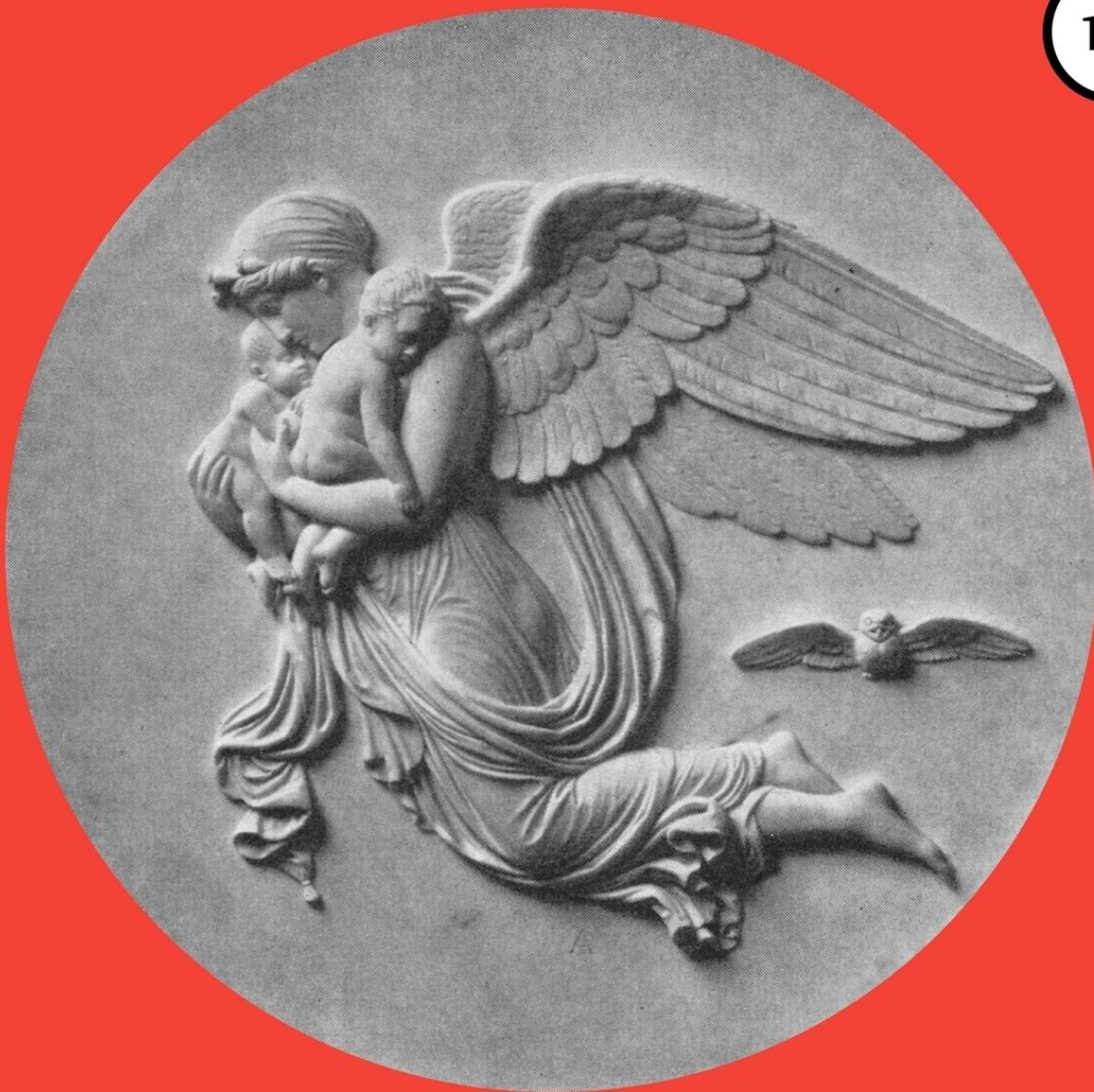

сергей кулаков

16+

к другим берегам

сборник рассказов

Сергей Кулаков
К другим берегам

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Кулаков С. А.

К другим берегам / С. А. Кулаков — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Сборник рассказов. В каждом из этих рассказов незримо присутствуют: утрата, расставание, смерть... Героев коротких повествований – детей, подростков, взрослых людей – незримые силы как будто готовят для самого важного путешествия в жизни: путешествия к другим берегам.

Содержание

Часть 1	5
На юге	5
Рыбная ловля	7
В непогоду	12
Обычная история.	17
Бракоразводный процесс	21
Две недели на отдых	25
Солнечный день	27
Сюжет к рассказу	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Часть 1

На юге

Поезд тяжело выдохнул, дернулся, стал. Раннее утро. Тень четырехугольной башни вокзала, еще не вытянулась наискось по асфальту. Стрелки на башенных часах приближались к своей аппендицитной черте, когда, обойдя состав по дощатому настилу, в толпе груженных сумками и чемоданами курортников, мальчик с сестрой прошли под высокой аркой, мимо остановки такси – дальше, к стоянке пригородных автобусов. Там заняли очередь у кассы. Пока мальчик сидел верхом на большом чемодане, его сестра стояла за билетом...

Бабушка вставала рано. Саша никогда не видел, как она умывается. Раз в неделю приходила женщина – высокая, толстая, с бородавкой на подбородке. Она грела на газовой плите в ведрах воду, купала бабушку за занавеской, в большом жестяном корыте, точно маленькую.

Бабушка вставала и сразу находила себе дело. Саша просыпался каждое утро от таинственных звуков на кухне. Кухня находилась неподалеку от летнего навеса, под которым, на железной кровати со старинным скрипом и мягкой периной, спал мальчик. Под кроватью валялось множество разного хлама...

Из кухни доносились стуки, шелесты, перезвоны и тяжелый, влекущий запах. Казалось, все пропитывалось этим запахом: кухня, простыни, банки на деревянных колышках изгороди, даже сама бабушка. А, быть может, этот странный запах исходил именно от нее? Бабушка жила одна в своем старом доме. После смерти деда, которого Саша слабо помнил, она заскучала жить, но была всегда рада, когда летом приезжали погостить внуки.

Саша приехал вместе со своей старшей сестрой. Отец посадил их в поезд и ушел, а сестра сказала, что отец с мамой больше не будут жить вместе. Потом поезд тронулся. Не спеша, и – все быстрее и быстрее, и какой-то столб помчался взапуски с поездом, обманывая глядящего в окно мальчика своим невидимым перемещением. Поначалу было интересно наблюдать за этим, но скоро фокус, придуманный столбом, надоел. Саша отвернулся от окна. В вагоне было скучно. Сестра читала, слегка наклонившись вперед. Попутчик с верхней полки заглядывал ей в расстегнутый вырез рубашки. Мальчик вновь повернулся к окну. Там была голая степь с далекими деревьями, деревянными столбами, которые стояли с достоинством, щегольски отставив ногу. Захотелось спать...

Когда Саша проснулся летним утром от разных шумов и тяжелого, влекущего запаха, он лежал под дощатым навесом, крытым старой жостью, за сатиновой завесой, болтавшейся над землей, не доставая до нее краем. Ему припомнилось, как они с сестрой уехали на юг к бабушке. Потом ему припомнились: «...они теперь никогда не будут жить вместе». Саша привык к тому, что родителям что-то постоянно мешало друг в друге, и отец подолгу не появлялся дома. Только мальчик не мог понять: отчего это они никогда не будут вместе. Он боялся слова «никогда». Ему казалось, будто это и не слово вовсе, а что-то огромное, темное, которому нет конца. Но сейчас было утро, и не было темно, поэтому страшно стало только чуточку. Он встал, надел шорты, и пошел умываться по бетонным ступеням к крану под сливовым деревом.

У мальчика было красивое синее полотенце с белыми цветами, а на обратной стороне – как на фотографическом негативе – полотенце было белое, а цветы синие. Саша утерся полотенцем-негативом, и отправился в комнату, где под смешным ковром на стене (на котором маленькие человечки сражались с огромной красной рыбой) спала сестра.

Они спускались вниз к морю, потом сестра уводила его от переполненных людьми пляжей, туда, где среди больших валунов и отвесного земляного среза берега, был укрыт небольшой пляж с белыми, гладкими – от упорной работы моря – камушками. Они расстлали большое полотенце, складывали одежду и обувь, а фрукты, в туго перевязанном прозрачном пакете, опускали в море и обкладывали камнями, чтобы откатывающие волны не утащили пакет за собой. Накупавшись, Саша лежал на полотенце, ел прохладные фрукты, смотрел на сестру: она мягко ступала по камням, не спеша входила в ленивое, от припекающего солнца, море. Затем, оттолкнувшись ногами и вытянув руки вперед – плыла. Длинные волосы ее намокали, плавно раскачиваясь, как водоросли на дне моря. Сестра плыла, плыла... потом становилась на укрытый от зрения подводный камень, далеко в море, размахивала ему рукой и не спеша возвращалась обратно.

Вместе лежали на влажном полотенце, ели фрукты, болтали ногами... Когда из-за близких гор выползла тяжелая темная туча, они, укрыв головы, сохли под солнцем, чтобы потом потемнеть кожей. Солнце скрылось в туче, затянувшей уже полнеба. Их кожа и купальные костюмы давно высохли, но это было не важно, потому что пошел дождь. Несколько крупных капель разбилось о нагретые тела, потом капли стали падать чаще, чаще, пока жаркий воздух не замутился от ливня. Бежать – бесполезно. Спрятали шорты и обувь в сумку; надели тут же вымокшие рубашки с коротким рукавом, и отправились домой. Набережная была полна водой. Шли босиком мимо круглых навесов, под которыми прятались от дождя люди. На подъеме потоки неслись вниз и, если стать у них на пути, вода вдруг резво подскакивала вверх, стекая грязными ручейками по рубашке и ногам...

К вечеру Саша заболел. Бабушка растерла его темной жидкостью с противным запахом, а потом одела в теплую фуфайку, рукава которой были длиннее, чем руки мальчика; напоила горячим молоком с инжировым вареньем, укрыла одеялом до самого подбородка. Она села рядом, на кровать, и стала рассказывать разные истории. Было хорошо лежать в тепле, высунив подбородок из-под одеяла, слушать тихий голос бабушки. Немного болела голова, но боль растворилась в подушке, когда он закрыл глаза, а бабушкин голос отодвинулся к забору, стал тише, тише...

Саша открыл глаза. Увидел вокруг темноту ночи. Было тихо. Цикады негромко трещали в саду. Голова не болела. Он лежал совсем один, глядел в высокое черное небо с множеством звезд, которое, если приглядеться, становилось густо-синим, и звезд там было куда больше... Небо было огромным. Какая-то сила тянула туда, вверх. Вдруг стало страшно, но закрыть глаза он не смог, а когда все же закрыл, стал думать о том, что будет, когда он умрет.

там тоже будет темно очень темно-темно как сейчас и темно всегда даже если открыть глаза все равно будет темно всегда будет темно будет темно и ничего никогда не будет никогда не наступит конец этой темноте и одиночеству и пустоте и он потеряет себя и раствориться в этой темноте навсегда сам станет темнотой и никогда не будет жить всё будет жить только он не будет и все кто будут жить про него забудут.

Саше стало жаль себя. Он заплакал. Тихо почти беззвучно не вытирая глаз от мокрых слез, потом повернулся на живот, лицом к подушке, и так уснул. Когда спал в голове стало легко от слез. Приснился сон он стоял на берегу моря смотрел на уплывающую девушку волосы её намокли колыхались по спине по плечам она встала на подводный камень повернулась к нему лицом увидел это была бабушка стояла там на подводном камне в переднике в котором готовила на кухне звала к себе платье с передником намокли в воде двигались как темные водоросли на камне вошел в море поплыл раздвигая воду руками бабушка взяла за руку и они вместе стали опускаться на дно там в тихой прозрачной воде среди плавных водорослей она стала рассказывать истории тихим голосом он слышал все что говорила бабушка у нее не выплывали изо рта пузыри как бывает когда начинаешь говорить под водой глядя сквозь толщу воды на солнце вверх он подумал что это самое лучшее место в мире.

Рыбная ловля

Отец пришел домой раньше обычного. Ляскнул замок. Дверь отперлась, потом захлопнулась. Снова ляскнул замок. В коридоре зажегся свет. Мальчик слышал, как отец снимал ботинки.

Саша сидел на диване, раскрыв на коленях толстую книгу в темно-зеленом переплете. Ему нравилось читать книги по истории. Он мог подолгу сидеть, представляя битвы времен Столетней войны, мрачные средневековые замки, морские сражения или знаменитые кругосветные путешествия. Он любил представлять, как путешествует по тем, давно минувшим временам, оживавшим в его воображении.

Дверь в коридор отворилась, отец вошел в комнату.

– Привет.

Он стоял в светлых брюках с ремешками по бокам, белой рубашке с нагрудным карманом слева, на ногах у него были кожаные домашние туфли без задников.

– Здравствуй – ответил мальчик.

– Мама дома?

– Нет.

– Есть хочешь?

– Я молоко пил.

– Ладно, пойдем, поужинаем.

Мальчик закрыл книгу. Положил ее на стол. Пошел в кухню. Нарезал хлеб тяжелым, острым ножом. Отец разогрел жаркое с румяной хрустящей корочкой... Ел он быстро, жаркое запивал вином, которое наливал из бутылки.

– Как дела?

– Хорошо, – сказал мальчик. Только, когда говоришь с полным ртом, даже простые слова звучат невнятно.

После ужина отец уселся на ковре в комнате и стал вязать, над разложенной газетой, к рыболовным крючкам белесые щетинки, которые доставал из круглой жестяной коробки. В пластиковом пакете вместе с этой коробкой из-под леденцов, хранились лесы в разноцветных катушках, грузила разных форм и крючки всевозможных размеров в небольших картонных коробочках. Прямо перед отцом лежал повидавший многое спиннинг из бамбука, со старенькой катушкой и рукоятью, обмотанной синей изоляционной лентой.

Мальчик, вымыв посуду, сел рядом. Он смотрел, как отец своими короткими, сильными пальцами ловко вязал к острым, с заусеницей у острия, крючкам, пучки волосков. Белесые волоски, с чернью на кончиках, висели на крючках, точно травы на бедрах туземцев, которых Саша видел на фотографических снимках в книгах.

– Папа, а зачем это?– спросил он.

– Рыбу удить, – ответил отец, не отвлекаясь от дела.

– А рыба их ест?

– Нет, в воде рыба думает, что это корм. Ну и хватает...

– А потом ее нужно вытаскивать?

– Точно. Подсечь и тянуть.

– Ты пойдешь рыбу ловить?

– Угу.

– Возьми меня.

– Ты спать будешь...

– Я встану.

– А школа?

– Я с тобой хочу!

– Надо учиться...

Саша поднялся, взял книгу со стола. Сел на диван. Раскрыл книгу...

– У тебя в школе хоть все в порядке? – спросил отец, положив готовый крючок рядом с такими же, туземистого вида, крючками. Он смотрел на мальчика.

– Да...

Саша уставился на строчку, надоевшую глазам, едва сдерживая слезы.

– Брось губы надувать. Ладно, пойдем.

– Правда?

Отец усмехнулся, сказал «правда». Саша опять перебрался к нему поближе.

– Пап, расскажи историю...

– Какую ещё историю?

– Про рыбную ловлю.

– А-а... понятно.

Отец говорил отрывисто, сухо. Он рассказал случай, когда нескольким рыбакам удалось выловить очень крупного калкана...

– А теперь – давай спать!– закончил он. – Нужно встать пораньше, чтобы не попасть в солнцепек.

Мальчику хотелось, чтобы завтра была хорошая рыбалка. Перед сном он все старался представить: как они с отцом будут ловить рыбу...

Отец собирался тщательно, не торопясь: упаковал спиннинг в брезентовый чехол с кожаной ручкой, крепившейся к чехлу проржавевшими заклепками; в сумку положил запас крючков, два грузила, еще одну сумку для рыбы, пачку сигарет, две коробки спичек. Еду решил положить с утра, а воду налил в пластиковую бутылку и поставил в холодильник. Потом разделся, погасил свет, лег в постель. В темноте тихой, обрюзгшей цикадой, урчал механический будильник. Отец знал, что проснется вовремя.

Они сидели в лодке. Саша смотрел, как тележка с лодкой въезжает в тихую, зеленую от водорослей и мха, воду. Когда лодка закачалась на поверхности, отец приладил весла, помахал рукой человеку на берегу, и сильными, плавными движениями повел лодку, раскачиваясь от кормы к носу. Он ощущал удовольствие от движения лодки, от легкого следа за кормой, который расходился по поверхности зыбким клином, растворяясь в спокойствии моря, от удаляющегося берега и многого другого, что вполне обычно, но приобретает иной смысл перед рыбной ловлей. Все это подготавливало лов, давало ему настроение праздника, приносило покой, радость. Отец умел подолгу грести не уставая, это тоже приносило удовольствие... Голые ноги с рыжеватыми волосками (шорты он положил перед собой, на кормовое сидение) сильно упирались в дно при гребке, а на руках выступали жилы; когда проносил над водой влажное весло, с которого обрывались капли – отдыхал, делая вдох. Отец был доволен, он улыбался под длинным козырьком своей летней кепки, а бухта с высокой скалой, домиком под ней все удалялась, удалялась.

Саша глядел вперед. У него захватило дух от пространства, частью которого он стал. Пространство это становилось больше, обширнее, втягивая лодку вместе с мальчиком в свою огромность и синеву. Слегка закружилась голова от высокой прозрачности неба с ослепительным солнцем, лучи которого дробились в темной, от глубины, поверхности моря на множество мгновенных блесков. Саша стал глядеть на темно-синюю воду, любопытно бросавшуюся навстречу лодке. Слева тянулся берег с беспорядочно торчащими валунами и каменистыми пляжами. Он был дик и пустынен. На крутом подъеме берега солнце выжгло землю. Кое-где цеплялись за серую почву высохшие кривые стебли. На самой высоте росли деревья в желтой, сухой траве.

Саша иногда ложился грудью на скамейку лодки, опускал руку в воду, а там растопыривал пальцы. Любопытная вода устремлялась навстречу, быстро исследовав руку мальчика – отставала. Он вытаскивал руку, давал ей обсохнуть: мокрую по локоть, сохранившую ощущение движения на коже...

Утреннее солнце поднялось над горой. Отец перестал грести, сложил весла так, чтобы они могли сушиться, потом достал из сумки, под кормовым сидением, пластиковую флягу с холодной водой, на которой выступили капельки влаги. Отвинтил колпачок, стал пить большими глотками. Саша пить не захотел. Отец положил флягу обратно в тень, под сиденье. Достал спиннинг, освободил грузило, расправил крючки, снял с предохранительного рычажка катушку; встал, широко расставил ноги, закрутил туловище влево, а когда резко распрямил его – выпустил из левой ладони грузило, и оно, описав дугу, шлепнулось в воду в метрах пятнадцати от лодки, почти без брызг. Свинец скользнул отвесно вниз, подтягиваясь к лодке, освобождая лесу из катушки. Отец сел верхом на скамейку, застопорил увлекшуюся лесу на нужной глубине, закрепил рукоять спиннинга в решетчатом дне лодки, подперев ее голый ступней.

– Дай мне бутерброд,– сказал он.

Саша вытащил из свертка хлеб с маслом и колбасой. Отец ел, оставляя отпечатки крепких зубов. Он подставлял левую ладонь под подбородок и сбрасывал крошки в море. После того, как отец перекусил, он снял рубашку. Мальчик, перегнувшись через борт лодки, смотрел вниз, в темную воду. Отец взял спиннинг в руки, несколько раз подергал его в стороны, подождал немного, стал наматывать лесу, глядя в то место, откуда она выходила из воды. Саша смотрел туда же. Лодка наклонилась от веса двух тел.

Солнце поднялось выше, дробясь в темно-синих волнах. Море едва двигалось. Две пары глаз смотрели в точку, откуда из воды выходила крепкая нить, скользившая по стальным кольцам на бамбуковом удилище к катушке, где леса укладывалась плотными кольцами. Отец быстро поправил кепку, снова дернул спиннинг. В нем разгорался азарт лова, потому что руки его ощутили удачу, и леса туго укладывалась в катушку, а удилище победно выгнулось. Скоро в воде появились четыре темные полосы. Они, изгибаясь, поднимались вверх, увлекаемые невидимой – сквозь воду – осью. Когда грузило, с которого начали падать капли, вышло из воды и повисло над морем вместе с четырьмя рыбинами, похожими на длинные, темные виноградины на обобранной кисти, отец аккуратно перенес их в лодку. Там опустил на решетчатое дно, вместе со спиннингом, и сказал Саше, чтобы он набрал в ведро воды. Мальчик вытащил из-под носового сидения помятое ведро, закопченное снаружи, зачерпнул им воды, ополоснул, выплеснул в море. Потом набрал с полведра, поставил на дно лодки. Отец одну за другой снял мокрой рукой рыб с крючков, пустил их в ведро, и снова забросил лесу в воду.

Лодка покачивалась, развернувшись бортом к берегу. Саша смотрел в ведро, где в прозрачной воде рыбы стояли почти без движения: темные, красивые, лениво двигая хвостом и плавниками. Солнце пекло в коротко стриженую голову мальчика, наклоненную над ведром.

– Как они называются?– спросил он.

Отец сказал, глядя вниз, в толщу воды, точно наблюдая за тем, что происходило в недоступной зрению глубине.

– Они хорошие.

– Да. Вечером приготовим...

Но Саше не хотелось готовить этих рыб. Ему нравилась рыбная ловля, но она стала бы еще лучше, если не есть вечером тех, кого он теперь любил. Он поймал одну из ускользавших от него рыб. Она была твердая, прохладная, и у нее стали сильно раздуваться жабры. Саша пожалел ее, ослабил сжатые пальцы. Рыба сильнее задвигала хвостом, всем телом и протиснулась на волю.

– Папа, а им больно, когда они попадают на крючок?

– Не знаю, может и больно.

– Давай не будем их ловить.

Отец поглядел на него. Он вытащил лесу – крючки были пусты.

– Ну вот – всю рыбу распугал.

Саша не понял, как он мог распугать всю рыбу.

Лодка шла прямо на две скалы, которые рядышком выходили из моря. Саша глядел на рыб в ведре. Они, вместе с движением лодки, тоже двигались плавными кругами. Вдруг мальчика точно окатило холодной водой, в глазах у него потемнело, а уши будто заткнули ватой,

сквозь которую доносились глухие, отдававшиеся в горле, тяжелые удары в груди. Саша привалился к деревянному борту лодки, позвал отца пересохшим ртом:

– Пап, мне плохо.

Отец бросил весла, сдернул кепку и, пропитав ее морем, повесил сыну на голову, потом зачерпнув грубой ладонью воду, смочил ему лицо. Дурнота медленно отошла, в груди стало холодно. Саша вяло улыбнулся. Отец пошлепал его по ноге, снова стал грести.

– Это бывает, – сказал он, глядя на бледное лицо сына и налегая на весла. – Солнце голову напекло. Тебе еще повезло. Бывает, без сознания валятся, а ты молодец. Сейчас к скалам подгребу – там есть тень, и искупаться можно будет. Попей воды.

Саше воды не хотелось. Он глядел на приближающиеся скалы. Скалы становились все выше и выше... Минут через пять одна из них нависла над лодкой высокой стеной. От неё веяло величием, покоем. Та скала, куда правил отец, стояла ближе к берегу. Она напоминала зуб подпорченный морем и временем. Саша уже видел небольшой грот, почти у самой воды и проход к нему. Проход был довольно мелок, но лодка смогла пройти. Вода там была прозрачной. В ней колыхались бурые водоросли, а в небе носились и противно кричали чайки. Отец развернул лодку, подвел ее вплотную к скале, которая в этом месте была едва выше кормы. Саша перелез в прохладу грота, прикрытого сверху массивным уступом. Отец передал ему сумку с едой и бутылку воды, прежде напившись, чтобы остудить нагретое работой тело.

– Побудь здесь. Искупайся, если хочешь, только осторожно... Я скоро.

Саша отдал влажную еще кепку. Отец, покрутив веслами, поплыл, а мальчик смотрел ему вслед, пока лодка не скрылась за краем шербагой скалы. Саша убрал сумку и воду подальше, по узкому проходу вышел из грота на небольшую площадку, прижатую к морю. С одного края подъем скалы был очень крутым, а по центру – сначала пологим, а потом выпрямлялся в отвесную стену. Мальчик полез вверх по сыпучему пологому краю и наткнулся на мертвую чайку. Он стоял и смотрел на скелет, выбеленный временем, ветрами, непогодой. Редкие остатки перьев еще держались на белых костях, по которым шустро бегали черные жучки. Мальчик глядел на мертвую птицу – на то, что от неё осталось – до тех пор, пока не подумал: «мне нельзя стоять под солнцем». Повернулся и стал спускаться. Он думал о мертвой чайке, а ещё о том, что неизвестно, сколько она здесь лежит, и сколько будет лежать... белый скелет с остатками перьев и черными, проворными жучками. Стало жалко птицу и себя тоже, ведь он здесь совсем один, и мальчик ощутил тоску среди этих суровых, безмолвных скал.

В гроте Саша снял одежду, и полез в воду. В этом месте подводная часть скалы близко подходила к поверхности моря, образовав небольшой заливчик. Один край подводной скалы высывался из воды, образуя подобие рифа, другой – полого уходил вниз, и потом обрывался отвесно, до самого дна. На мелководье шла оживленная жизнь: сновали рыбки, колыхались водоросли, мхи и Саша нырнул туда. Слева от него зашепила в густые водоросли, бойко работая хвостом, зеленоватая рыбка. Мальчик поплыл к выпирающему из воды краю скалы и, вынырнув, ухватился за его шероховатую, изрезанную волнами поверхность. За этим краем была темная глубина. Смотреть туда было страшно. Саша стал смотреть вперед, скользя зрением по поверхности моря, упираясь взглядом в далекий горизонт...

Когда плыли обратно, они не говорили друг с другом. Отец греб, но уже не так легко. Он не желал тратить силы на разговор, а Саша вспоминал события этого дня, думал о том, какой сильный и хороший у него отец.

Поздно вечером, когда Саша спал, отец опять пришел домой пьяный. Не снимая ботинок, он пошел к себе, позабыв потушить свет в прихожей.

В непогоду

Погода испортилась в конце октября. Задули холодные ветры, начались штормы. Море налилось свинцом, небо затянули низкие темные тучи.

Далеко от берега большие волны можно отличить по белому пенному гребешку, закрученному наружу мчащейся волны, но ближе к берегу волны становятся крупней, точно не спеша разгибают спину после похода. Именно здесь волны поднимаются во весь свой рост и на мгновение как бы замирают, а после – валятся на притихший берег. Разбившись, белая от пены волна уползает, цепляясь за каждый камушек, но в этом отступлении есть некая ирония, потому как следующая волна бывает еще злей, еще многосильней. Штормы доходят до такой могучей наглости, что переваливают за парапет и заливают набережную мутной водой, которая долгое время стоит большими лужами, и от них пахнет затхлостью и подгнившими водорослями.

С террасы перед домом не было видно брызг, разлетающихся вверх и во все стороны, когда волны разбиваются о волноломы, но сильный гул шторма был хорошо слышен. Мальчик любил сидеть здесь и слушать этот гул, в котором звучала могучая мощь моря и что-то, напоминающее пение печальной колыбельной, в которой нет слов, только дикий напев, но именно в этом древнем шуме было самое главное. Он сидел на плетеном стуле, не убранном еще из беседки в чулан до следующего лета. В небе мелькали чайки. Их противные голоса доносились, когда мощь шторма ослабевала на несколько мгновений, но потом гул моря вновь заполнял собою пространство. Что видели птицы эти со своей высоты? Кого бесполезно старались оповестить они надорванными, хрипыми голосами?..

– Немедленно иди в дом.

Он слез со стула, пошел по дорожке, между подстриженными кустами, к дверям. Мама, кутаясь в теплый белый платок, пропустила мальчика и захлопнула послушную дверь.

– Ты что, заболеть хочешь?

– Я не заболею, мама, я тепло одет.

– А я не разрешаю сидеть в такой холод на ветру.

– Там не очень холодно.

– Ты меня понял? – Ее взгляд был холодней ветра за дверью.

– Да.

– Позови отца обедать.

Мальчик побрел по лестнице на второй этаж.

Дом был построен давно, еще отцом его папы, и был очень уютен. Мальчику нравился дом: нравилось то, что он старый; нравился темный чулан позади дома, где хранились всякие тайны и страхи; нравилась высокая черепичная крыша с четырьмя трубами, по которым дождевая вода попадала в потемневшие от времени бочки; нравилось то, что в каждой комнате была невысокая печка, обложенная голубоватой плиткой, и когда становилось холодно, печи топили углем и дровами из поленницы под навесом. Еще ему нравился камин, нравилось смотреть на огонь, который разводили иногда прохладными вечерами. Мальчик любил старый дом – и ему казалось, что дом любит его. За прошедшие годы внешне дом почти совсем не изменился, но внутри все поменялось в нем. Раньше жила здесь большая, веселая семья, позже она становилась меньше и меньше, да и веселья тоже поубавилось. Теперь в доме жили трое, и в каждом оконном стекле, в каждом зеркале чувствовалась глубокая грусть по прошедшему. Но все на свете, кроме человека, не стремится нарушить ход времени, а человеку это никогда не удастся.

Отец лежал на кровати одетым и курил. Пепельница стояла рядом, она была полна окурков. Мальчик позвал отца.

– А-а, это ты... В чем дело?

- Мама зовет обедать.
- Вот как, – он даже не двинулся.
- Да, она сказала, чтобы я позвал.
- Ты это сделал.
- Почему ты куришь? Она опять будет ругаться.
- Да, – ответил отец, продолжая глядеть на стену напротив, – у нее этого не отнимешь.
- А зачем ты куришь?
- Не знаю, мне нравится.
- Мне тоже нравится смотреть, когда ты куришь.
- Отец повернул к мальчику лицо.
- Но это ничего, правда?
- Да, только мне больше нравится, когда ты куришь трубку.
- Говоришь, трубку?.. Иди поближе, что встал у двери... – он подвинулся на кровати, уступая сыну место.

Мальчик сел рядом. Несмотря на то, что форточка была распахнута, в комнате стоял противный запах выкуренных папирос.

- Когда тебе в школу?
- Еще три дня осталось.
- Хочется, а?
- Нет, не хочется.
- Я тоже не любил школу. Чем сегодня занимался?
- Шторм слушал.
- Ну и как?
- Мама прогнала домой. Говорит, что заболею.
- Они помолчали, отец сказал:
- Так всегда бывает.
- Как?

Отец затаился и пустил дым к потолку, потом затаился еще, и к потолку поплыли кольца из дыма. Сначала они были маленькие, потом становились больше и больше, пока совсем не пропадали в накуренном воздухе комнаты.

- Скажи – как?
- А так, что когда любишь что-то, другому человеку это кажется блажью, и он старается сделать все, чтобы вытравить это, а потом еще и думает, что сделал полезное дело. Понимаешь?
- Понимаю.
- Ничего ты не понимаешь... –
- Нет, понимаю! – тихо сказал мальчик. – Если бы люди любили друг друга, все было бы иначе.

Отец посмотрел на него.

- Вот именно. А ты молодец. – Он достал из-под подушки толстую книгу. – Знаешь, что это?
- Нет.
- Библия. Хочешь узнать, о чем здесь написано?
- Нам в школе говорили, что там все неправда, и бога нет.
- Много понимают у вас в школе.
- Мальчика поразила эта мысль.
- А мама разрешит?
- Мама, мама... конечно, нет! Разве она позволит думать не так, как она. Ну ничего, она не узнает. Ведь ты можешь хранить тайны?
- Да, – ответил мальчик.

– Ну ладно, пойдем есть.

Они вместе спустились вниз. Первым блюдом был фасолевый суп, который так не любил отец. Он остывал в глубоких тарелках, под которые подставлены были большие плоские тарелки. Сели за стол.

– Еще бы дольше ходили...

Мальчик склонился над тарелкой и стал шумно вытягивать губами суп из ложки. Мама повернула к нему строгое лицо:

– Сядь ровно и ешь тихо.

Отец возил ложку взад-вперед в теплом супе.

– Почему ты не ешь?

– Не хочется.

– Ты даже не пробовал.

– Ты знаешь, что я не люблю...

– Ты не любишь все, что я делаю. Ты ничего не любишь!

– Перестань, прошу. Я устал от скандалов.

– Ты от меня устал, вот от чего ты устал. Целый день валяешься на кровати, работу бросил... Ты что, на мои деньги надеешься жить?

– Ну что ты говоришь...

– Я знаю, что говорю.

– Я не прошу у тебя денег.

– Как благородно... На что же ты станешь жить?

– Это мое дело.

– А тебе не кажется, что это и мое дело?

– Нет, мне уже так не кажется.

– Ах, даже так... Прекрасно!

Она распалая себя все больше и больше, и злость заполняла ее; и чем больше она злилась, тем более усталым становилось лицо отца.

– Давай закончим этот разговор.

– Нет, я не намерена его заканчивать!

– Хорошо, я закончу его.

Отец встал, вышел из комнаты. Мама вышла за ним. В прихожей были слышны резкие голоса и грубые слова, которые они бросали друг в друга. Мальчик сидел за столом, наклонив голову над тарелкой. Потом хлопнула входная дверь. В столовую вошла мама. Лицо у нее было злое, губы едва заметно дрожали. Она села за стол и начала есть, но вдруг заплакала и, утираясь, ушла к себе. Мальчик положил ложку, встал из-за стола. Обед закончился.

Он вернулся, когда стемнело. Мальчик слышал, как скрипели ступени, потом щелкнул замок на двери в комнату отца. Осторожно, чтобы не шуметь, он поднялся по лестнице, постучал. Замок металлически всхлипнул, и дверь отворилась. Отец стоял без рубашки, босиком. Узкая, сухая грудь, покрытая темными волосами, выглядела уставшей, и шея его казалась мальчику длинной, беззащитной.

– А, это ты, – сказал отец. Он пропустил сына и запер за ним дверь.

– Где ты был?

– Так... Можно сказать, что отдыхал.

Отец подошел к кровати, сел.

– Я закурю, хорошо?

– Да, только открой окно, а то у табака такой противный запах.

– Ладно.

Отец отдернул шторы. За окном было темно, в небе – там, налево – виднелась мутная луна. В открытую форточку затекала ночь, но электричество подкрашивало ее своим ровным светом – и, забираясь в комнату, ночь исчезала, точно окно служило границей, за которой темноте нечего было делать. Отец взял пачку папирос, но отложил – стал набивать трубку табаком из плоской жестяной баночки. Приминал табак большим пальцем, крупинки его сыпались на пол. Потом зажег спичку и, коротко причмокивая уголком рта, стал всасывать огонь. Табак зажегся, подернулся серым пеплом – и жар ушел внутрь, а отец начал пускать изо рта дым.

– Ну как?

– Здорово...

– Послушай, можно тебя спросить?..

– Да.

– Как ты относишься к людям... ну... которые пьют вино?

– Наверное, жалко их.

– Жалко? Почему же?

Отец посасывал трубку, глядел на сына.

– Не знаю, им бывает плохо.

– Да, – сказал отец, – может, ты и прав, я не знаю.

– Почему?

– Есть вещи, о которых никто не знает, и люди начинают мучить себя разными мыслями.

– А это плохо?

– Нет, для человека это, скорее, полезно, хотя чаще всего ему от этого больно.

– Я не понимаю.

– Я тоже.

Мальчик смотрел, как отец пускал дым.

– А ты уже взрослый. Совсем взрослый.

– Какой же я взрослый, если еще в школу хожу?

– Ты понимаешь... чтобы быть взрослым, не обязательно быть большим. Тут что-то другое, совсем другое...

– Пап, а почему ты ничего толком не знаешь? Ведь взрослые знают все.

– Нет, это они только притворяются, а сами ничего не знают. Единственное, чему они научились – это черстветь, как сухари.

– А почему так бывает?

– Как знать, у каждого по-разному.

– Ты тоже такой?

– Хотелось, чтобы это было не так, но, скорее всего, это так, и это печально.

– А мама?

Отец стащил брюки. Не вынимая трубки изо рта, он залез под тонкое одеяло, под которым было уютно спать летом, но не теперь, поэтому в ногах лежал теплый, в красную клетку, плед.

– Чем занимался после обеда?

– Так, ничем. Было скучно... А мама тоже сухарь?

– Что ты о сухарях заладил... Может, о другом поговорим?

– Хорошо.

В комнате стало тихо, и они услышали, как начался дождь. Сначала далекий гул моря еще доносился до внимательного слуха, но капли дождя стали падать чаще и чаще, а затем дождь усилился, стал похож на ветер, который шумит и раскачивает деревья. Кажется, комната, где они сидели, уменьшилась, стала крохотной, чуть больше кровати, и отец с его трубкой стал вдруг ближе. Мальчику показалось, что он начал улавливать в отце то, что хотел понять в нем. Но чем ближе оно было, тем туманнее становилось, пока не исчезло совсем. Осталась только

тишина с шумом дождя, ведь тишина никогда не бывает одна. Мальчику показалось, что они долго-долго сидят без слов, и он сказал:

– Дождь пошел.

– Да.

– Пап, почитай мне твою книгу. Ну... ту, что ты показывал... Забыл?

– Хорошо.

Отец достал книгу, поискал место и начал читать. Это была история о человеке, который жил в одной далекой стране много-много лет назад. Он ходил из одного ее конца в другой, переплывал моря и повсюду разговаривал с людьми, но люди не поняли того, что он говорил, и предали его, и он умер. Печальнее всего оказалось то, что человек знал наперед, как все случится. История была невеселая; голос отца тихо звучал под шум дождя, и казалось, от книги расходилась грусть, как бывает, когда швырнешь в воду камень, а от него разбегаются во все стороны волны. История напоминала грустную сказку, но слова, которые читал отец, были такие простые, как если бы их говорили в настоящей жизни, а не в книге, и от этого мальчику становилось еще печальней. Он представил, как тот человек бродил по земле, и ветра продували его одежды, а дожди лили на его тело, и человеку было так же одиноко, как мальчику.

Отец закончил читать, откинулся на подушку и стал думать о том, что хорошо все-таки, когда ты одинок в своем доме, читать такую книгу. «Хотя... почему же одинок, – подумал он. – Вот рядом со мной сидит маленький, почти взрослый человечек, и в нем – частица меня. Пусть он многого еще не понимает, но все-таки я не так уж одинок». Потом еще какие-то мысли стали приходить, и он не смотрел на сына, и ему совсем не хотелось говорить.

– Грустная история – правда, пап?

– Угу.

– А ты считаешь еще?

– Завтра читаю, а теперь иди спать. Маме не говори.

– Ладно, – ответил мальчик.

Отец встал с кровати, отпер дверь. Мальчик тихо спустился к себе в комнату. Ему хотелось узнать, что еще написано в книге. Он лег в кровать и поскорее закрыл глаза, потому что время быстрее всего бежит во сне, а еще – ему хотелось увидеть во сне того человека.

Отец лежал и думал под шум дождя. Спать не хотелось. Окно его комнаты долго светило в ночную непогоду.

Обычная история.

Мне было хорошо известно, что он любил ее. Я знал это лучше всех в нашем городке, где тайны не выдерживали долгого хранения, точно молоко в летнюю жару. Ведь я провел с ними целое лето, а потом все кончилось. Я сначала не понимал, почему у них все кончилось. Позже – когда подрос – понял, почему всё так случилось. Или мне это только так кажется? Кто знает? Теперь легко говорить об этом...

Я тогда просиживал штаны в школе, а брат мой успел побывать в армии и работал водителем на большом грузовике. Помню, я сильно завидовал, когда видел его в кабине этой огромной машины. Брат возил грузы на дальние расстояния. Он, бывало, подолгу не появлялся дома, а когда приезжал – вечером всегда рассказывал о поездке, пока мама не выгоняла меня спать в мою комнату. Мы жили в доме с небольшим садом, как и многие в нашем городке. Большие многоквартирные дома появились позже, а тогда: каждую весну деревья в саду зацветали, и мы с мамой за ними ухаживали, и собирали плоды, и она консервировала их на зиму. Мне больше всего нравилось, когда деревья стояли в цвету. Потом цвет опадал и черная, перекопанная земля, из которой сочился густой, тяжелый запах, покрывалась тонким ковром из нежных лепестков.

Сейчас и не вспомню, где они познакомились. Верно, на танцах... Помню, как она в первый раз пришла к нам домой. Брат шел в клетчатой рубашке и джинсах. У него были широкие плечи. В этих узких, темно-синих брюках, плечи его казались еще шире. Девушка шла рядом. На ней была узкая юбка с разрезом сзади и легкая, темная рубашка, расстегнутая на две пуговицы. Она была без чулок. Ноги ее показались мне очень красивыми. Я только-только оставил дерганье за косички и презрение по отношению к девчонкам, и начал думать о том, кто же из знакомых девочек больше всех нравится мне. Но когда я увидел подружку брата, она показалась мне красивее всех-всех девчонок, которых я когда-либо видел и, даже то, что была она немного выше брата, шло ей. Потом мы сидели и обедали за столом, покрытым расшитой скатертью, под легким, полосатым навесом. Девушка была очень красивая. Мне понравилось ее узкое, бледное лицо, понравились узкие руки с длинными пальцами. Брату она тоже нравилась. Ей было приятно нравиться нам обоим.

Брат любил ее. Глядя на него, я был уверен в этом. Он много говорил о ней, и я узнал: она работает в магазине, в отделе промышленных товаров. Когда брат приезжал из поездок, они всегда были вместе, даже наша мама привыкла к этому. Мама считала, что брату давно пора жениться...

Я уже не говорил брату: Где твоя подружка? Или: Ты был со своей подружкой? Я называл ее по имени. Брату это нравилось. Я видел, как он любил ее.

Они часто брали меня с собой, когда шли купаться, и нам всегда было весело. Им никто не был нужен, поэтому они уходили далеко от переполненных пляжей, а я был с ними. Ох, и красивая она была в купальнике, который делал ее еще стройнее, хотя, казалось, это невозможно. Она замечала, что я смотрю на нее и шептала брату, отбрасывая волосы движением головы. Они смотрели на меня и улыбались, и никто на свете не знал, как мне хотелось прикоснуться к ее гладкой, блестящей – от воды – коже.

В то лето брат много разъезжал на своем грузовике. Ей это не нравилось. Она говорила:

– Если бы мы только чаще были вместе...

– Мне обещали со следующего года хороший маршрут. – отвечал брат. – Надо потерпеть.

– Так долго?!

– Надо подождать.

– Ладно.

– Вот увидишь – все будет хорошо.

Это позже она говорила, что он думает только о себе, а ей неизвестно, что он делает, пока она остается одна. Да, это было позже! Но тогда все заканчивалось хорошо, и, возвращаясь домой, мы заходили в бар у моря, и сидели там, в тени деревьев, пока солнце всю припекало, и потягивали из соломинок прохладные коктейли, в которых плавилась кубики льда...

Хорошо помню день, когда в последний раз мы вместе купались тем летом. На следующий день брат должен был уезжать, а через три дня мне нужно было идти в школу. Ну и дурачились же мы тогда в море... На обратном пути, зашли в бар. Я стоял в очереди за коктейлями, они разговаривали друг с другом за столиком. Я принес напитки: два фруктовых, потом один молочный для себя.

– Разве ты должна делать это?– сказал брат.

– Должна...

– Почему?

– Потому, что мне рано.

– Неужели?

– Ты прекрасно понимаешь.

– Да, – сказал брат, – я понимаю.

Я не знал, о чем они говорят и, вместе с соломинкой, углубился в коктейль. Да они, кажется, и не обращали на меня внимание.

– Так будет лучше.

– Кому?

– Нам.

– Ты этого хочешь?

– Да.

– Делай, как знаешь.

– Все будет хорошо.

– А вдруг – нет?

– Не говори глупостей. Я советовалась...

– Только не со мной!

– Успокойся, все будет хорошо.

– До моего приезда ничего не делай, пожалуйста.

– А ты не можешь остаться?

– Мне нужно ехать. Ты ведь можешь неделю подождать?

– Я и так жду, не знаю только чего...

– Не начинай, мы говорили об этом.

– Говорили, и будем говорить.

– Не надо.

– Нет, надо! – сказала она очень резко. – Тебе бы нужно побыть со мной, а ты рвешься куда-то. Кто у тебя там?

– Не говори ерунды. У меня есть ты.

– Ах, вот как! Поэтому ты не можешь остаться?

– Я не заставляю тебя делать это.

– Хватит! Сама знаю, что делать...

Тут брат вспомнил обо мне.

– Ну-ка, пойдя, погуляй.

Я допил коктейль. На дне стакана, вокруг подтаявших кубиков льда, осталась белая пена. Я встал из-за столика, вышел. Сел в тени, на скамейке, под большим деревом, рядом с невысокой оградой бара. Было видно, как они говорили, только слов я не слышал. Сначала говорил брат, потом отвечала она, потом опять говорил брат и вдруг она заплакала. Потом они встали и вышли. Глаза у нее были припухшие. Она вытирала их скомканной салфеткой. Брат шел рядом.

– Идем, – сказал он, обращаясь ко мне.

Не разговаривали до самого дома. Брат на следующий день уехал. Через три дня я пошел в школу. Лето прошло. Мы никогда уже не ходили купаться втроем. В конце недели пришла телеграмма, которая извещала о том, что брат попал в аварию. Мама поехала к нему. Я остался дома. Мама вернулась дня через три-четыре и сказала: «слава Богу, ничего страшного нет». У него оказалась сломана ключица, выбита коленная чашечка на одной ноге, другая нога сломана в двух местах. В общем, он легко отделался, по мнению врачей.

Брат вернулся домой через месяц. В руках у него была палка. Выглядел он неважно. Мне было жалко его. Его девушка лишь однажды позвонила нам. Она выспрашивала у меня разную ерунду, вроде того: как я учусь, как у меня дела, как мама, и тому подобное... Я ждал,

когда она спросит о брате. Она спросила о нем позже и таким беспечным голосом, точно вчера рассталась с ним. Я сказал, что знал и, кажется, очень резко. Больше она не звонила.

У них все закончилось в один день. Было еще тепло. Брат спал внизу, а мы с мамой перебрались на второй этаж. В этот день я договорился с приятелем идти ловить рыбу, и встал пораньше. Еду, которую с вечера приготовила мама, завернул в тонкую, шуршащую бумагу и вместе с банкой, в которой была наживка, сунул в рюкзачок. Потом взял бамбуковую удочку, спустился по лестнице. Тут все и услышал.

– Ты и сейчас пьяна...

– Это не важно.

– Вот как.

– Я решила зайти...

– Для этого нужно напиваться?

– Возможно.

– Что с тобой случилось?

– Ничего. Ровным счетом ничего. Как твоя машина? Не скоро сядешь за руль?

– Прекрати.

– Что прекратить? Все кончилось, неужели ты не понимаешь? Все кончилось, – повторила она.

Брат молчал.

– Теперь ты знаешь, – сказала она. – Мы скоро уедем...

– Что ж, – сказал брат, – может это к лучшему.

– Да, – сказала она.

– А теперь – уходи.

– Прощай, – сказала она.

Брат молчал.

Я, со своей бамбуковой удочкой, спрятался за угол дома. Я видел, как она шла вниз по ступеням, держась за перила. Она была красивая и совсем чужая. В комнате брата было тихо. Девушка потом уехала из городка, а брат... Не важно! Ведь это была обычная история... Пожалуй, только мне она когда-то казалась не совсем обыкновенной. Может потому, что я только-только начал думать о девушках, и они были для меня загадкой, а может быть... нет, не знаю. Теперь трудно в этом разобраться.

Бракоразводный процесс

На улице лил дождь. В комнату вошла женщина. Она держала зонт. Её аккуратные, короткие волосы были подвернуты внутрь.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал чиновник, – слушаю вас.

– Я, – немного неуверенно, нащупывая нужные слова, сказала женщина, присев на краешек стула, – я по поводу развода.

Чиновник достал несколько исписанных листков бумаги.

– Вас как зовут?

Женщина назвалась. Чиновник отыскал листок, показал ей.

– Ваше заявление?

– Да, мое.

– Оно только с вашей стороны?

– Да.

– Ваш муж согласен с разводом?

– Думаю, он против. – сказала женщина. Она опустила голову, ее глянцевые волосы поникли. – А без его согласия разве нельзя?

– Почему же, только это займет больше времени, и вам придется объяснить причину развода.

– А если я не стану объяснять?

– Вы должны понять, я спрашиваю не из любопытства. Ваше объяснение попадет в протокол, вы его подпишете, и делу будет дан ход. Это в ваших интересах, не так ли? – разъяснил чиновник скучным голосом.

– Да, верно, – ответила женщина.

– Я приглашу секретаря.

– Зачем?

– Вести протокол.

– А вы сами не могли бы его составить? Мне неловко говорить об этом.

– Вообще-то, положен секретарь... Хорошо, обойдемся без него.

В комнате стало тихо. Было слышно, как за стеной, картаво тараторила печатная машинка.

– Не знаю с чего начать. – сказала женщина, она старалась не смотреть на чиновника.

– Хорошо, я буду спрашивать, а вы отвечайте.

– Да.

– Попробуйте объяснить причину вашего желания развестись.
Женщина задумалась.

– Знаете,– она была молода, привлекательна, и чиновнику было приятно смотреть на нее,– муж у меня верующий человек. Когда мы познакомились, он говорил, что верит в бога, но я не придавала этому значения, потому как не знала, насколько он религиозен. А, впрочем, если бы и знала!.. Я не сказала ему... Я была замужем два года, мы развелись, детей не было. Я решила: не стоит об этом говорить.

– А почему вы так решили? Были опасения?

– Нет, вовсе нет. Не могу объяснить, почему... так получилось. Сказала примерно через месяц после свадьбы.

Женщина умолкла. Было слышно, как движется маятник в стенных часах. Комната, в которой располагался кабинет чиновника, была небольшая: кое-как умещался стол со старым, удобным креслом, узкий, двухстворчатый шкаф для бумаг, пару стульев у стола, и крохотный столик у двери, предназначенный, наверное, для секретаря. Женщина сидела на краешке стула, рядом со столом чиновника, опустив голову.

– Что было дальше?

– Он сказал: грех жить с разведенной. Я приняла его слова за шутку и предложила развестись, но это была не шутка. Он сказал, что не может стать вдвойне грешником.

Женщина подняла голову, посмотрела прямо в глаза чиновнику и спросила:

– Жить вместе – грех, разводиться – грех, что за религия такая?

– Вы не волнуйтесь...

– Простите меня, это все нервы. Я тогда подумала: все уладится. Да только ничего не уладилось. Все пошло кувырком. Он, с тех пор, не спал со мной. Поначалу я думала, что он ревнует меня к прошлому, и это пройдет. Да только ничего не прошло. А потом я поняла: он не станет больше спать со мной. Он любит меня, но спать со мной он не станет, а я ведь женщина, я не могу так. Я люблю его, но я женщина... я – женщина...

вот дела люди разводятся из-за измен или ссор а тут бред нужно быть ненормальным чтобы не спать с такой женой

– А он нормальный? Вы уж извините меня,– сказал чиновник вслух.

Она кивнула. Волосы пружинисто закачались.

– Он хороший человек... Мне будет тяжело расстаться, а ему будет еще тяжелее. Только по-другому нельзя. Я не хочу изменять ему, но я женщина, и мне хочется иметь детей, и все, что имеет жена от мужа.

– Да, да, я понимаю, понимаю, – повторил чиновник. – А муж ваш – духовное лицо?

– Нет.

– Но откуда эта религиозность?

– Я не знаю. Он говорил, что вера или есть, или ее нет, и если она есть – не следует узнавать причины.

– А вы никогда не ссорились из-за этого?

– У меня было чувство, будто муж сожалеет из-за того, что я не могу разделить его веру. Я чувствовала, что его это мучит... Знаете, я хотела бы верить, но не могу. Нет у меня этого!

Женщина сидела на стуле очень прямо. Она молчала. Ее опрятные волосы свесились, точно и им нечего было сказать.

– Может все образуется?..

Женщина покачала грустными волосами.

– Нет, уже не образуется – поздно. Слишком поздно. Теперь я понимаю: нечего искать причину, ее просто нет. На первый взгляд все понятно, и можно отыскать причину, и разобраться во всем, а может, даже, и выход найти... Но, начнешь разбираться по-настоящему, и тогда понимаешь: все – пустое, нет никакого выхода. Только для вашей бумаги это слишком туманно, а вам ведь нужна ясность, верно?

Чиновник смотрел на эту странную женщину.

– А может не стоит разводиться? – сказал чиновник и тут же прибавил. – Мы обязаны так говорить, понимаете?

– Да, но это ни к чему. Вас что-нибудь еще интересует?

– Нет, спасибо. Все ясно. Через месяц-два, думаю, все должно закончиться.

– Хорошо, я могу быть свободна?

Чиновнику было жалко ее, но он ничего не мог поделать, разве только дать ход делу.

– Сделаю все, что в моих силах, – сказал он.

– Я могу идти?

– Да, конечно. На следующей неделе зайдите подписать протокол.

– Хорошо.

Когда закрывшаяся дверь вытеснила её из кабинета, чиновник склонился над бумагой. Потом он вспомнил о деле, которое не мог закончить третий день и, отложив протокол, принялся за это старое дело, но из мыслей его никак не шла та женщина.

бывает же так пожалуй она права винить некого хорошо что ни я ни моя жена не религиозны до такой степени.

Чиновник попытался представить её мужа. Он почти был уверен, что человек этот должен носить бороду...

Чиновник оказался неправ. Процесс завершился разводом через не полных пять недель.

Две недели на отдых

Ключ от квартиры хранился у соседки, и она поначалу не узнала его, а потом долго дивилась тому, как убегает время...

Одержанным ключом открыл дверь с прозрачным почтовым ящиком, хранящим на своей плексигласовой поверхности вырезанное имя умершего отца. В прихожей все было по-прежнему: зеркало, светильник над ним, обувной ящик за шторкой, дверь в комнату, с отставшей местами краской, и широким прямоугольником матового стекла. Поставил чемодан с впавшими боками на пол, снял ботинки. Обувшись в домашние туфли без задников, прошел в комнату. И там ничего не изменилось. Было ощущение, будто вновь попал в безмятежное время, когда жили они все вместе, но время то давно истлело. А кажется, совсем недавно было... Все те же фото на столе, под стеклом...

ай да карапуз был таким забавным беззаботным мальчуганом теперь не верится нет не верится точно чья то другая жизнь.

Негромко работали электронные часы, будто торопились поведать о том, что происходило здесь все эти годы... Часы тараторили торопливо, чуть захлебываясь от усердия. Постоял, послушал их болтовню, потом вернулся в прихожую, снял куртку, повесил ее на крючок вешалки. Чемодан перенес в комнату, освободил от немногих вещей. Когда с этим было покончено, пустой чемодан улёгся на полке в прихожей за хрусткой, полупрозрачной завесой. Отправился в ванную. Перед тем как принять душ, побрился. После душа – растерся полотенцем, оделся во все свежее. Приятно ощущать на вымытом теле чистое белье.

Находиться одному в пустой квартире было непривычно. Понемногу привыкал к этому. За окном стемнело. Задернул шторы, включил проигрыватель, поставил пластинку. Раньше – помнится – нравилась эта пластинка. Захотелось проверить, что осталось от прежнего – ведь не все нужно терять...

Этого потерять не пришлось. Нужно отыскать, чего ещё не довелось потерять. Тогда можно будет и отметить. Пока не стоит – выпивать нужно в радости. К тому времени, быть может, удастся отыскать хорошего друга. Они выпьют вместе. Вместе выпивать веселее – это дело для хороших друзей. Тогда они отведут душу!

нет не стоит не надо просто будем сидеть выпивать никаких женщин только он и я женщины не нужно хорошо сказано время собирать камни.

– Ты уже пьян? – скажет он другу.

– А ты?

– Я – нет.

– И я нет. У нас хорошая закалка!

– Точно! Знаешь, на чем это держится?

– На нас с тобой!

– Ну, а мы?

– Известно: на земле, на этом винце...

– Верно! А земля на чем?

– Да пускай себе держится на китах, на слонах, и... да, черт еще знает на чем!

– Нет, ты путаешь. Земля висит в воздухе... Висит в темноте, вертится в ветре.

– Чепуха,– ответит друг. Он будет уверен: хмель не в силах одолеть его.– Не может быть.

– Может! Она круглая...

– Если смотреть прямо – нет.

– Круглая, круглая. Как мячик – ни за что не отличишь.

– Пускай... Давай сделаем её круглее, чтобы на ногах не устоять!

И они подольют винца...

Будет здорово. Женщины ни к чему! Только это будет потом, когда отыщется с чего веселиться. Пока все не так... Но одно он вернул, вернёт и остальное. Нужно немного времени. Музыка кончилась. Игла съехала со звукового поля к синей бумажной наклейке. Отключил проигрыватель. Положил пластинку на место. Захотелось чая. Вскипятил воду. Выпил кружку горячего, крепкого чая, который изнутри теперь грел тело. За окном, невидимые в ночи деревья, шумели листвой. Пожалуй, самое время для сна. Приготовил кровать. Разделся. Выключил свет и лег. Сначала в постели было прохладно. Потом согрелся. Сладкая истома разлилась по телу. Вытянулся под одеялом во весь рост...

Хорошо лежать ночью в постели Можно не притворяться быть собой Никто не мешает думать Разные мысли приходят на ум Они чаще всего обрываются незаметно сменяя друг друга Потом исчезают Незаметно как и появились Потом засыпаешь но никогда не замечаешь этого

побуду две недели один сегодня вторник нет среда уже среда ещё среда семь дней и ещё семь две недели чтобы отдохнуть времени много да много нет не много достаточно пожалуй или нет может быть «да» может быть «нет» когда-то давно да-да давным-давно старые далекие милые времена две недели две недели две недели...

Солнечный день

а потом задул ветер с гор. Ветер скрипел деревьями, обрывал листву, гудел под черепичными крышами, гонял пыль по сухим улицам три дня кряду, и выдул лето из уютного приморского городка. Когда ветер выдохся, на два дня повис противный дождик, облепляя своей пупырчатой влагой все в округе. Наступила осень.

Я проснулся на следующий день поздно, а ведь с вечера говорил себе: завтра встану пораньше... И с этой мыслью завел будильник. Только напрасно будильник трудился в назначенное время – сонная рука двинула рычажок, который сдвигая что-то с места, обрывал бодрую трель послушного механизма, и я продолжал спать до тех пор, пока спать больше не хотелось. Еще какое-то время лежал, не открывая глаз, уткнувшись примятым набок, теплым кончиком носа в пахнущую волосами подушку, понимая: опять проспал.

Спавший мир проснулся вместе со мной. Враз нахлынуло столько шумов: где-то редко басыла собака; у соседей наверху катали по полу тяжелый шар; еще выше маленькая музыкантша, которая мнила, что имеет способности к музыке, удивительно долго терзала музыкальную фразу, никак не дававшуюся пухлым – точно уменьшенные сардельки – пальцам; очень близко завелся мотор авто и, перейдя с низких тонов на высокие, умчался прочь, а когда музыкантша сломала, наконец, упрямое сопротивление музыки, я открыл глаза, и в скверном настроении, из-за своей недисциплинированности, перевернулся на спину. Комната наполнилась солнечным светом, процеженным сквозь белые, летние занавески, еще не перемененные на тяжелые зимние шторы, и сквозь эту – полупрозрачную от солнца – материю, виднелся залитый ярким охряным светом сад. Скверное настроение сразу забылось. От вида светлой комнаты, полупрозрачных летних занавесей, живой зелени, освещенного мягким солнцем сада – стало легко, приятно и захотелось двигаться.

Умывшись прохладной водой, пунцово натерся мягким полотенцем. Пригладил блестящие влажные волосы. Оделся. Завтрак стоял на столе, прикрытый салфеткой. Налил в большую кружку с зеленой каемкой тотчас задымившего, крепкого чаю. Бросил в него три сахарных кубика. Стал жевать бутерброды, осторожно отхлебывая из кружки вытянутыми губами, чтобы не обжечься.

После завтрака чувствовал себя чудесно. Было легко, прекрасно на душе и солнечный свет косо подал на белую стену с натюрмортом в лаковой дубовой раме, проскальзывая сквозь мелкую сеточку оконного тюля. Разве можно сидеть в квартире, когда стоял такой манящий, такой великолепный солнечный день?! Ведь завтра могут опять залить дожди, задуть ветры... Нет, нужно бросить всё, и – гулять, к морю! Я запихнул в рюкзачок большое полотенце, книгу... Запер за собой, равнодушную к любой погоде, входную дверь жилья.

Казалось, лето вернулось: солнце проникало сквозь густую вуаль деревьев, облепивших дом, печатало тугие, ажурные тени на асфальте, грело открытую шею и затылок. Воздух был прозрачен до такой степени, что чудилось, будто его и нет вовсе. Близкие горы виднелись отчетливо. Казалось, можно различить каждую их складку, каждый выступ серых скал, считать редкие иероглифы деревьев на лысеющих вершинах. Горы, казалось, были обтянуты мягкой, плюшевой материей, местами истертой до голых скальных пород. В воздухе высоко парили две птицы, почти не двигая своими крылами.

Спустившись по изогнутой улочке, я вышел к набережной. Не спеша побрел, ступая по её квадратным плитам. Спокойное море казалось слегка выпуклым. Вдали оно было белесым, а у берега – почти прозрачным. Тихий прибой едва слышно шипел, подталкивая и волоча гладкие камушки. Вдали, за резким поворотом бухты, обрывающейся высокой, прямой скалой, похожей на восклицательный знак, в море застыли с десятков лодок, в которых находились крошечные, похожие на вырезанные из полупрозрачной папиросной бумаги, грудные силуэты людей.

Среди лодок виднелся маленький пароходик. Эти лодки, грудные силуэты людей, пароходик – казались ненастоящими, приклеенными к гладкому морю. Лишь тонкий дымок из трубы пароходика тянулся тускло-темной гнутой линией к эмалевой лазури безоблачного неба, которое к горизонту бледнело, бледнело... пока не становилось одного цвета с морем, и обманутое зрение не могло разобрать: куда же пропала линия горизонта. Проплыли в мыслях строки:

Прозрачным воздухом и горные пейзажи,

И села сонные облиты, как глазурью,

Но море Черное шумит ворчливым стражем,

И режет зрение от солнца и лазури.

Я брёл сквозь плавающий, от припекающего солнца, воздух. В небе носились чайки, хищно двигая маленькими клювастыми головами, с голодными бусинками глаз. Вокруг — безлюдно. Промчавшийся автомобиль поднял на повороте степное облако пыли, косо оседавшее на редкую зеленую траву прямоугольного газона. Море добродушно посапывало, перекладывая гладкие камушки пляжей в таинственный волшебный узор, который никогда не может сложиться... Близко от берега резиново плавали большие красные буи с узким сатурновым кольцом посередине. На одном из пляжей, крупная женщина с громадными грудями, которые были не намного меньше этих буюв, зашла в море, присела, поплыла вдоль берега, весело отфыркиваясь, по-лягушачьи разбрасывая ноги. Купальщиков – немного, а любителей погреться на солнышке – достаточно. Мне хотелось побыть одному. Я искал безлюдного пляжа...

Крупная, серая птица стояла на гладких, темных от влаги камнях, надменно поворачивая голову с узким, черным клювом. Казалось, она презирала все в округе, но стоило какой-нибудь шутилой волне подобраться с тихим шипением ближе, и птица поспешно пятилась, смешно перебирая своими тонкими ногами, покачивая упитанным серым телом. Когда я спустился на пляж, птица замахала длинными крыльями, тяжело полетела над самой водой, делая полукруг и поднимаясь выше, выше, пока не исчезла из вида, слившись с голыми, серыми скалами на вершинах.

Над горами, окружившими долину, где внизу, у моря, лежал сонный городок; над мшистыми горами, из которых – то далеко, то близко – выступали бледно-коричневые и серые скальные породы с редкими деревьями; над всеми этими величественными зелено-синими горами, нависла сплошная, ватная громада облаков. Восточный ветер отрывал от облачной груды куски, раскатывал по голубому небу длинными, белыми росчерками, сплетая из них тонкую облачную паутину. Я разделся, подставив спину солнцу, лег на полотенце, стал читать книгу... Припекающее солнце, размеренный шум моря, плавное движение рассказа, точно скрывающая телега в пыльной летней степи, совсем успокоили, расслабили, усыпили меня. Было так сладко, забыв обо всем, наклонить голову на сплетенные кольцом руки, спать, спать, спать под чародейный шум волн.

Разбудил резкий порыв ветра...

Перед тем, как уходить, я присел у берега; по-мусульмански сложив ладони, зачерпнул воды; обтер заспанное лицо. Стало свежо, приятно. На обратном пути зашел в небольшое кафе с открытой верандой, откуда открывался прекрасный вид на море, на скалы, на горы. Мутное, абрикосовое солнце своими последними лучами освещало бухту и городок, растягивая на нагретых досках веранды длинные, вечерние тени. Я заказал итальянский красный вермут со льдом. Отпивая из узкого, высокого стакана, смотрел на появившийся из-за скал пароходик, который по-старушечьи, переваливаясь с борта на борт, подошел к пристани.

На пристань сошли двое мужчин. Один нес рюкзак. Пароходик пустил из трубы тонкую струю белого дыма, попятился кормой в море, развернулся носом к заходящему солнцу, близоруко сверкнув иллюминаторами. Натужно испустив гудок, пароходик торопливо засопел, забурлил водой. Слегка кренясь набок – поплыл, держась левее далекого, темного мыса, оставляя гладкий, светлый след, изогнувшийся на густо-синем покрывале моря, измятом рябью.

Отхлебывая из стакана вино с полынным вкусом, я следил за пароходиком, пока он не скрылся за мысом. Солнце тоже наполовину закатилось за горы. Стало тихо-тихо... Я подумал о том, что наступила осень, и этот солнечный день – лишь агония упрямого лета. Стал думать о минувшем лете. О том, каким оно было жарким днем и прохладным – а иногда душным – ночами, и что дождей этим летом выпало больше, чем засушливым прошлым летом, и каким оно было долгим, а море – теплым и ласковым, а потом

Сюжет к рассказу

Поезд, который привез на юг невысокого, плотно сложенного Панина, расположившегося с комфортом в мягком вагоне, тяжело выдохнув, стал. Панин, навесив на плечо складную сумку-гардероб, вышел и пошел своей поспешной походкой жителя столицы, под мелким февральским дождем, к остановке такси.

Мокрая дорога к побережью была пустынна. От скучного вида темных, мшистых, округлых гор, клонило в сон. Проехали перевал. Стали спускаться по извилистому асфальту шоссе. Окрестности затянули косматые дождевые тучи. Панин, вразрез со своим сонным, нахмуренным видом, думал о приятных вещах: о своей, только что вышедшей книге; о сумме денег, которую ему должны выплатить за эту книгу (часть суммы он получил в прошлый вторник); о своем предстоящем недельном отдыхе у моря, который намечено было провести в полнейшем праздном существовании...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.